

ФИЛОСОФИЯ*(специальность: 09.00.11)*

УДК 101

М.А. Игошева*Ростовский государственный университет путей сообщения**г. Ростов-на-Дону, Россия**igosheva_marina@mail.ru***ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
КАК ИНСТРУМЕНТ НАЦИОСТРОИТЕЛЬСТВА
В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ****[*Marina A. Igosheva* Ethnic identity as a tool of nation-building
in the post-Soviet space]**

The subject of this research is the process of politicization of ethnicity as a tool for legitimizing separatist projects, the basis for the sovereignization and nation-building of the post-Soviet states. It is given a detailed description of ethno-nationalism as a means of constructing national identity in the former national republics of the Soviet Union. Special attention is paid to the analysis of the politicization of the ethnic factor in the nation-building of Ukraine, Belarus and the Baltic States. It is shown that the scenarios for the creation of new States had both common features – reliance on historical myth, making distinctive ones – Russophobic sentiments, ethnic nationalism. The methodological basis of the research is based on the constructivist paradigm, which laid the foundation for understanding the nation-building process launched as a result of the collapse of the USSR and accompanied by the revival of ethnic identity in the former Soviet republics. The results obtained allow to substantiate theoretically the existence of a powerful potential for ethnic identity that demonstrates the effectiveness of mobilizing ethnic groups in the struggle for power and economic resources; provides legitimacy to acts of violence against ethnically "strangers"; acts as a means of legitimizing and delegitimizing political power in a transitional society with a complex ethno-social structure; provides local certainty to the individual and group, and a sense of collective security.

Key words: ethnic identity, politicization of ethnicity, sovereignization, nation-building, ethnonationalism, national identity, myth-making.

Актуализация проблемы этнической идентичности в современном российском обществе обусловлена системными трансформациями институциональной структуры страны, произошедшими в 90-е гг. XX в. Специфика реформаторских процессов определялась стремительной сменой парадигмы социального развития, предполагающей переход от плановой экономической

модели к рыночной, от административно-командного к демократическому управлению, основные принципы которого механически заимствовались из западной политической культуры.

Политические тенденции, сопровождавшие распад Советского Союза, характеризовались ростом этнического самосознания в национальных республиках страны и роли этничности в их сепаратистских устремлениях. Начавшиеся в стране институциональные изменения, по мнению исследователей, способствовали политизации этнонациональных отношений, проявившихся, в частности, в «требованиях этнотерриториального суверенитета и национальной государственности» [15, с. 103]. В конечном итоге это привело к распаду Советского Союза и запустило процесс суверенизации бывших советских республик, сопровождавшийся подъемом этнонационализма.

Существует мнение, что основной причиной краха СССР стали экономические проблемы государства и кризис его политической системы. Однако, как верно замечено некоторыми исследователями, люди в советских республиках жили в условиях относительно высокой социальной защищенности, безопасности и экономического развития [28; 27]. На этом основании рассматривать исключительно экономические и политические факторы в качестве причин обострения межэтнических отношений представляется недостаточным. В данном контексте уместным будет согласиться с суждением, что «главной движущей силой конфликтов в постсоветских государствах при всем множестве факторов был именно этнонационализм» [22, с. 146].

В научной литературе этнонационализм рассматривается как «доктрина и политическая практика, выступая ключевым фактором формирования политических идентичностей населения ряда бывших посткоммунистических государств, конструируемым в интересах конкретных этнополитических общностей» [21, с. 146]. В этом смысле этнонационализм – инструмент конструирования национальной идентичности новых государств, наличие которой позволяет выстраивать социальные практики в конкретных культурных, социально-экономических и политических границах. При этом апелляция к этничности создает символическую среду и эмоциональный фон для решения задачи нациостроительства.

На данный аспект национализма обращает внимание американский социолог и культуролог Л. Гринфельд, утверждая, что «в этническом национализме "национальность" становится синонимом этничности, а нацио-

нальная идентичность часто понимается как отражение или осознание "примордиальных" или наследственных групповых характеристик, компонентов этничности, таких как язык, обычаи, территориальная принадлежность и физический тип» [26, р. 250].

Адекватной методологической основой для понимания механизма нациостроительства выступает конструктивистская парадигма, представленная в работах Э. Геллнер [10], Дж. Бройи [5], Б. Андерсона [2].

По мнению Э. Геллнера, нации не являются результатом эволюции общества, они строятся исключительно при помощи политики национализма. Последняя, используя такие маркеры как национальный язык, национальные границы, национальная культура, создает национальную идентичность, являющуюся необходимым условием существования национального государства. При этом механизмом создания нации выступает ее противопоставление другим национальным державам, имеющим свою систему маркировки (язык, территория, культура).

Согласно подходу Дж. Бройи, национализм возникает там, где культурная идентичность становится основой политической мобилизации. Автор подчеркивает, что «люди стремятся быть членами общности, иметь твердое чувство различия между "нами" и "ними", территории как родины, принадлежности к культурно определенным и ограниченным мирам, которые наполняют их жизнь смыслом» [5, с. 223]. Причем для того, чтобы мобилизовать массы необходима идеология, ориентированная на теорию об уникальности нации и значимости ее духовных ценностей.

В концепции Б. Андерсона национализм представляет собой способ создания наций как культурно-политических артефактов Нового времени. Этот процесс подразумевает установление культурных границ между «своими» и «чужими» на основе определенной системы символов, включающей представление об общем происхождении, истории и судьбе народа. Обращаясь к данной символике, национализм обладает как способностью интеграции общества, так и дезинтеграции, то есть противопоставления в отношении к другим аналогичным социально-политическим образованиям. Данные подходы заложили методологические основания для понимания процесса нациостроительства, запущенного в результате распада Советского Союза и сопровождающегося возрождением этнической идентичности в бывших советских республиках.

Этнонационализм охватил практически все пространство СССР, поскольку бывшие ССР начали активную реализацию сепаратистских проектов, особенно в районах, где сложились административные автономии. Идеологической основой данного процесса стал принцип «государство – это исключительная собственность титульной нации, имя которой значилось в названии государства» [12, с. 139–140].

В инициализирующихся процессах суверенизации именно этническая идентичность стала эффективным инструментом создания многих новых преимущественно моноэтнических государств, поскольку, как отмечают специалисты, в сегодняшнем мире «идентичность – это прежде всего вопрос обретения власти (empowerment) в широком значении слова (легитимность, статус, полномочия и даже право на насилие)» [18, с. 51].

Начавшийся «парад суверенитетов» сопровождался актуализацией этнической идентичности, которая в условиях существования советского строя нивелировалась советской идеологией. В результате был создан определенный образ человека, получивший название «советский гражданин». По мнению исследователей, «советская идентичность обладала институциональными особенностями гражданской идентичности, так как формально не подразумевала привязку к этногруппе» [3, с. 43].

Очевидно, что формирование советской идентичности осуществлялось посредством пропаганды и было крайне идеологизировано. Соответственно, данная форма идентичности предполагала конформизм к советской политической системе, что естественно не позволило ей стать институциональной заменой этнической идентичности, которая в условиях советского общества находилась в латентной форме, и только при определенных обстоятельствах начала проявлять свою активность.

По мнению специалистов, активизация этнической идентичности в поздний советский период обусловлена следующими процессами:

Во-первых, утратой веры в ценности коммунизма, что «привело к разрушению идеала, лежащего в основе государственности, подтолкнуло многих граждан независимо от социального статуса, национальной или конфессиональной принадлежности к поискам новых мировоззренческих ориентиров» [9]. Кризис советской идентичности создал идеологический вакуум, который заполнялся различными идеями либерального, религиозного и этнического толка. Распад

системы нравственных приоритетов, скреплявших людей на протяжении почти 70-ти лет, дискредитация общих исторических символов советского общества, подготовили условия для разобщения людей по этническим основаниям.

Такая ситуация, по мнению ученых, стала следствием целенаправленной информационной атаки Запада, направленной на разрушение советского государства. В данном контексте любопытно мнение К.С. Тураева, отмечающего, что «политика гласности, ставшая важным инструментом этой кампании, обусловила утрату веры в историческую миссию государства, разочарование в идеалах, которые до этого не подвергались сомнению» [20, с. 64].

Известно, что основой стабильности любого государства является солидарность его граждан, обеспечивающая единство общества на основе сбалансированных национальных интересов. Наличие гражданской идентичности выступает одним из факторов, способным обеспечить национальную безопасность государства. Советская идентичность достаточно долгий период вполне успешно справлялась с этой задачей, пока «в результате экономической и информационно-психологической войн не была размонтирована "центральная матрица" мировоззрения, и население утратило целостную систему ценностных координат» [13, с. 9].

Во-вторых, возрождение интереса к этничности было обусловлено кризисом политического управления, неспособностью руководства страны решать задачи по модернизации институтов советского общества в соответствии с требованием времени, а также по укреплению территориальной целостности полиэтнического российского государства.

Ряд исследователей утверждает, что причиной распада СССР по этническим основаниям стала «внутренняя эрозия советской системы, вытекающая из противоречий имперского и модернизационного развития и связанная с нарастанием центробежных тенденций в стране по мере осложнения экономического положения государства, ослабления его политической роли, разложения центральной власти и стремления национальных элит к государственно-политическому обособлению» [1, с. 14]. В результате кризис власти привел к кризису советскую систему национально-государственного устройства. Данные процессы, в свою очередь, закономерно активизировали центробежные националистические тенденции, способствующие образованию на территории СССР новых суверенных государств.

В-третьих, одним из факторов актуализации этничности считается национальная политика советского государства, волюнтаристски закрепляющая статус и территорию за определенной этнической группой. Анализируя модель национально-территориального устройства советского государства, специалисты указывают на ее потенциально конфликтогенный характер, поскольку «размежевание унитарного государства на этнической основе лишь внешне выглядело прогрессивным, но вся эта на первый взгляд продуманная система "многоуровневой" государственности не скрепляла, а, напротив, разрушала государственность. Ведь народы как бы ранжировались на пять сортов по статусу их национального образования. Не получили никакой автономии более пятидесяти коренных и некоренных народов. И, наконец, некоторые союзные республики и большинство автономий были образованиями искусственными: численность титульного народа не совпадала со статусом национального большинства (в РСФСР из 31 автономии лишь в шести титульные народы численно превышают другие этнические группы)» [16, с. 326]. Такое территориальное устройство государства явилось миной замедленного действия, сработавшей при стечении определенных обстоятельств и приведшей к кровопролитным межэтническим конфликтам, многие из которых и на сегодняшний день не считаются завершенными.

Известно, что территориальные и статусные претензии, присутствующие в межэтнических отношениях советского общества, подавлялись мощью тоталитарной системы государства и его идеологией интернационализма. Невзирая на это, противостояние абхазов тбилисскому диктату или недовольство карабахских армян своим положением в составе АзССР существовало на протяжении всех 70-ти лет советской власти, однако «взорвалось» только во второй половине 1980-х гг. [4].

Таким образом, национальная политика советского государства изначально содержала в себе противоречие, выражающееся, с одной стороны, в стремлении идеологически сформировать гражданскую общность – советский народ, а с другой стороны, выделить отдельным народам, входящим в состав государства, свою территорию. Вместе с тем многие этнические общности – кумыки, карачаевцы, балкарцы и другие – были включены в состав национальных республик, получив в них статус этнического меньшинства. В результате «осетинский народ оказался разделенным между РСФСР и Гру-

зинской ССР, лезгины и аварцы – между Азербайджаном и РСФСР и т.д. Западнокавказские народы – кабардинцы, абхазы, черкесы, адыгейцы – также оказались политически раздробленными» [15, с. 102].

Такого рода национальная политика советского государства и крах советской идеологии положили начало сепаратистским процессам, инициированным этнонациональными силами в союзных республиках, а также активизировала переход межэтнических конфликтов из латентного состояния в горячую фазу.

Очевидно, что вышеупомянутые факторы, связанные с кризисом советской идентичности, слабостью политической власти и недальновидной национальной политикой определили процесс политизации этничности в национальных республиках страны, превратив этническую идентичность в инструмент борьбы за политическую власть.

В процессе распада СССР политизация этничности была задействована не только при строительстве государственности, но и в качестве основы этнонационализма в противоборстве за автономию и суверенитет. К примеру, относительно бесконфликтная суверенизация ряда бывших советских республик столкнулась с необходимостью формирования собственной этнонациональной идентичности как остова интеграции общества. Такая задача встала перед Украиной, Белоруссией и новыми государствами Балтии.

Процесс нациостроительства обычно связан с конструированием новой исторической традиции общества в противовес прежней. Изобретение традиции сопровождается поиском доказательств раннего существования нации, обоснования ее длительной истории до «насильственной» ассимиляции в лоне советской империи. Именно такая задача была поставлена перед историками новообразованных государств: найти аргументы, подтверждения и свидетельства древнего происхождения их наций.

В свою очередь, начиная с середины 90-х гг. в учебниках по украинской истории «сложился идеологический базис этнозащитного национализма» [11, с. 125]. Его суть заключалась в создании идеологемы длительной борьбы украинцев против колонизаторов за свою государственность. При этом, специфика украинского этнонационализма проявлялась в «формировании образа врага в лице России и, в частности, русских как этнической группы, несущей ответственность за долгий путь украинцев к государственности. Основной акцент здесь делается на становлении, начиная из глубины веков, отдельной

украинской нации, в большей степени вопреки российской и советской воле. Многовековая борьба за государственность становится основной идеей сотворенной Украинской истории, достижение суверенитета – главной целью, которая достигнута в 1991 г.» [14, с. 317–318]. Как видно, проблема этногенеза украинцев решалась на основе дистанцирования от российской истории.

Политизация этнического фактора в нациостроительстве украинского государства проявлялась в фальсификации исторических событий, их интерпретации в политических интересах лидеров страны. Так, история Украины в составе Российской империи, а затем и Советского Союза как ее преемника, рассматривается исключительно в дискурсе российского колониализма, нанесшего непоправимый ущерб украинскому народу. В националистической риторике существование украинской нации связано, в первую очередь, с «денационализацией элит», эксплуатацией природных и людских ресурсов, русификацией, уничтожением интеллигенции и крестьянства, «голодомором» [14, с. 317].

Показательным примером политизации этнического фактора в конструировании новой истории Украины выступает дискурс о голодоморе. Его суть заключается в констатации – в результате голода 1932–1933 гг. больше всего пострадал украинский народ. К тому же, уничтожение украинцев было частью плана русских по заселению территории страны. В данной интерпретации, «русские во время голодомора не страдали, более того, они извлекли из этой трагедии впоследствии выгоду для себя» [14, с. 318]. Событие массового голода обыгрывалось и в публичном пространстве. Политизация факта голодомора присутствует в выступлениях лидеров страны, особенно на международной арене. В частности, президент Украины В. Ющенко не раз подчеркивал, что голод начала 30-х гг. является проявлением геноцида украинского народа. Вполне очевидно, что процесс нациостроительства на Украине опирался исключительно на этнонационалистическую риторику, выполняющую задачу отмежевания от общего с Россией советского прошлого и создания образа внешнего врага в лице русских.

Конструирование каркаса новой национальной истории, как правило, включено в процесс политического мифотворчества. Данная технология имела место во всех национальных республиках, претендующих на независимость от России.

В Украине формирование мифологических представлений активно инициировалось властью: «в основу мифотворчества была положена стратегия этносимволизма, в рамках которой воссоздавался миф об исключительности исторического пути украинской нации, особый упор делался на ее героизме и страданиях. Для чего были выбраны два наиболее знаковых исторических явления – Украинская повстанческая армия (УПА) как пример героических страниц в истории, и голодомор – как пример исключительной национальной трагедии» [19, с. 54].

Подобная практика имела место и в Белоруссии. Процессы устройства нового белорусского государства, равно как в Украине, опирались на историческое мифотворчество, посредством которого конструировался самостоятельный путь развития, изобретались самобытные этнические традиции и символы, способные объединить людей в единое политико-культурное пространство. Как отмечают специалисты, «основу мифо-символического комплекса» истории Беларуси составляли три взаимосвязанных компонента:

- концепция о существовании белорусской нации «от века»;
- идея «пробуждения» белорусской нации после длительного исторического «сна»;
- положение об имеющихся внешних и внутренних недругах, не заинтересованных в таком «пробуждении» [7, с. 16].

Вместе с тем следует отметить, что в отличие от Украины, процесс конструирования новой белорусской истории не основывался на идеологии русофобии, доведенной до радикальной формы представителями украинского национализма. Напротив, концепция национальной истории Белоруссии, несмотря на попытки белорусских этнонационалистических сил очернить общее советское прошлое, акцентировала внимание на близких отношениях между народами, на общих достижениях периода СССР.

Аналогичные процессы происходили в других бывших союзных республиках Советского Союза. Формирование национальных государств Прибалтики следовало в русле построения этнократической модели общественно-государственного устройства.

Постсоветские Эстония и Латвия эволюционировали в «национализирующиеся» государства, элита которых встала на путь культивирования целей и интересов (экономических, политических, культурных и др.) исключительно

«титульной» нации» [6, с. 173]. Причиной выбора такого вектора развития республик отчасти стал кризис центральной власти в советском государстве, крах идеологических скреп общества, в итоге приведших к полной потере «идеологического и кадрового контроля над элитами, что позволило им оперативно консолидироваться на этнической основе» [21, с. 147].

Объявив себя демократическими государствами, Латвия и Эстония провозгласили курс на «историческую реинтеграцию» в европейское культурное, политическое пространство, апеллируя к принципу континуитета. Речь шла о восстановлении суверенитета и правового положения, которым обладали республики до начала «советской оккупации». Доктрина преемственной связи с досоветской государственностью нашла отражение в нормативных актах Эстонской и Латвийской Республик («О государственной независимости Эстонии» от 20 августа 1991 г. и «О государственном статусе Латвийской Республики» от 21 августа 1991 г.), декларировавших правопреемственность государственности Эстонии и Латвии по отношению к республиканским образованиям, существовавшим в период с 1918 по 1940 гг. Процесс государственного строительства современных прибалтийских государств сопровождался русофобским дискурсом, посредством которого формировалось негативное, а порой и враждебное отношение ко всему советскому, ассоциируемому с русским народом.

Ярким проявлением новой этнонациональной политики государств Балтии явился ревизионизм истории советского периода в соответствии с политической конъюнктурой. В декларации «О восстановлении независимости Латвии» от 4 мая 1990 года, было закреплено понятие оккупации, дававшее основание рассматривать СССР как политический проект, направленный на полное искоренение национальных культур и лишение их права на государственность. В декларации «Об оккупации Латвии» отмечается, что «руководство СССР целенаправленно наводнило Латвию сотнями тысяч мигрантов, чтобы с их помощью уничтожить идентичность народа Латвии» [17, с. 39]. Такой подход в интерпретации прошлого выступал основой для возрождения этнической идентичности народов и был одним из способов борьбы с русификацией прибалтийских республик.

Как видно, суверенизация стран Балтии сопровождалась возрождением этнических чувств, которые в свою очередь были использованы для полити-

ческой мобилизации населения в легитимации сецессионных процессов. Это определило рост этнонационализма, проявившегося, в том числе, в «принятии ограничительных законов о гражданстве и тактики политической маргинализации инородцев» [8, с. 105].

Этнонационалистические установки в полной мере реализовались в правовых актах, касающихся гражданства. Согласно законодательству Латвии гражданами государства могут считаться лица, которые «являлись гражданами республики на 17 июня 1940 г. и их родственники по прямой нисходящей линии. В подавляющем большинстве они представляли этнических латышей» [21, с. 148]. Населению, переехавшему в Латвию с 1940 по 1990 гг., а также их потомкам, гражданство не предоставляется. Таким образом, основным критерием права на гражданство страны выступает этнотерриториальный фактор.

Аналогичная политика проводилась в Эстонии. Согласно принятому в марте 1992 г. закону «О гражданстве» [23], около трети населения страны было отказано в гражданских правах. В дальнейшем был разработан механизм натурализации лиц, проживающих на территории республики, который предполагал – экзамен по эстонскому языку, знание конституции и законодательства о гражданстве [25]. Реализация такого политического курса привела к появлению отдельной категории людей, представляющих преимущественно русское и русскоязычное население. Оно было лишено возможности участия в политической жизни страны, а как следствие, права легальной защиты своих интересов в публичной сфере.

По мнению экспертов, этнонационалистические принципы государственного устройства Латвии и Эстонии отчетливо обозначились в языковой политике, предполагающей закрепление главенствующей роли языка «титальной» нации. Закон Латвийской Республики «Об образовании» 1998 г. предписывает, что процесс обучения должен осуществляться исключительно на государственном языке [24]. Это касается как сферы среднего, так и высшего образования.

Таким образом, этнический национализм – единственная основа курса суверенизации и нациостроительства в странах Латвии и Эстонии в 90-е гг. Отчасти это объяснимо тем, что первоначально националистические движения позиционировали себя в качестве конструктивных сил, способных осуществить модернизацию общества. Данное обстоятельство содейство-

вало интеграции мобилизации людей под этнонациональными флагами. Однако в дальнейшем националистическая политика начинает оказывать деструктивное влияние на развитие страны, поскольку нацелена исключительно на разрушение прежних экономических, политических и культурных отношений, выстраивающихся между народами не одно десятилетие. Разрыв этих связей закономерно ведет к социально-экономическому кризису, на преодоление которого требуются ресурсы и время, – итогу курса нациостроительства, выбранный политическими лидерами прибалтийских республик, в частности Латвии и Эстонии.

Анализ политических процессов, начавшихся в результате распада Советского Союза, свидетельствует о мощном потенциале этнической идентичности. Ее возрождение – осто́в легитимации сепаратистских проектов в бывших национальных республиках СССР, фундамент нациостроительства новых государств, сопряженного с необходимостью конструирования коллективной этнонациональной идентичности.

Этническая идентичность продемонстрировала эффективность мобилизации этнических групп в борьбе за власть и экономические ресурсы, легитимировала акты насилия по отношению к идентифицируемым как этнически «чужие». Более того, как показывает практика, рассматриваемый феномен способен выступать средством и легитимации, и делегитимации политической власти в переходном обществе со сложной этносоциальной структурой.

В кризисные периоды, связанные с демонтажем прежней социальной системы, этническая идентичность становится ресурсом, обеспечивающим локальную определенность индивиду и группе, чувство коллективной безопасности. Эту способность используют лидеры этнонационалистических движений, апеллируя к этническим символам для мобилизации групп в достижении политических целей. В свою очередь этнополитическая мобилизация выступает способом институализации политических притязаний сообщества в условиях социальной неопределенности и обострения соперничества за доступ к материальным ресурсам, этносоциальный статус и другие преференции.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Алексеев В.В., Алексеева Е.В.* Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5. С. 3–20.
2. *Андерсон Б.* Воображаемые общности. Размышления об истоках и распространении национализма М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. 288 с.
3. *Барбашин М.Ю.* Советская идентичность в этносоциальном пространстве: институциональные особенности // Теория и практика общественного развития. 2012. № 7. С. 43–49.
4. *Барсегов Ю.Г.* Культ аннексий: Международное право на рубеже тысячелетий. М.: Готика, 1997. 64 с.
5. *Бройи Дж.* Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм / Пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002. С. 201–236.
6. *Брубейкер Р.* Национальные меньшинства, национализирующиеся государства и внешние национальные отечества в новой Европе // Этнос и политика: Хрестоматия / Авт.-сост. А.А. Празаускас. М.: Изд-во Университета Российской академии образования, 2000. С. 173–177.
7. *Буховец О.Г.* Историческое описание постсоветской Беларуси: демифологизация «ремифологизации» // Национальные истории на постсоветском пространстве – II / Под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО–XXI, 2009. С. 15–50.
8. *Винник Н.Н.* Болезнь этнонационализма в странах Балтии // Дискурс-ПИ: Научно-практический альманах. 2002. № 1 (2). С. 105–107.
9. *Гаджиев К.С.* О кризисе национальной идентичности // Мир и политика. 2013. № 1. URL: <http://mir-politika.ru/3499-okrizisenacionalnoy-identichnosti.html> (дата обращения 08.03.2020).
10. *Геллнер Э.* Нации и национализм / Пер. с англ. Т.В. Бердиковой, М.К. Тюнькиной; Ред. и послесл. И.И. Крупника. М.: Прогресс, 1991. 794 с.
11. *Гузенкова Т.С.* Этнонациональные проблемы в учебниках по истории (на примере Украины, Беларуси и некоторых республик Российской Федерации)

- Федерации) // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО–ХХ, 2003. С. 114–141.
12. *Дибиров А.З., Белоусов Е.В.* Война идентичностей // Вестник Института социологии. 2014. № 4 (11). С. 127–147.
13. *Кара-Мурза С.Г.* Демонтаж народа. М.: Алгоритм, 2007. 704 с.
14. *Кузнецова Е.И.* Формирование политической нации в современной Украине // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 120. С. 314–320.
15. *Палчаев А.Н.* Конфликтогенный потенциал национально-территориального устройства Северного Кавказа // Власть. 2012. № 1. С. 101–105.
16. *Сикевич З.В.* Противоречия советской национальной политики: размышления эксперта // Вестник СПбГУ. Социология. 2017. Т. 10. № 3. С. 315–328.
17. *Симиндей В.В.* Историческая политика Латвии. Материалы к изучению. М: Фонд «Историческая память», 2014. 264 с.
18. *Тишков В.А.* Политическая антропология. Спецкурс для студентов гуманитарных факультетов // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов / Под ред. А.Г. Селезнева, С.С. Тихонова, Н.А. Томилова. 2001, Нальчик; Омск: Изд-во ОмГПУ. С. 48–56.
19. *Томайчук Л.В.* Мифологизация истории как инструмент конструирования национальной идентичности на современной Украине и в Беларуси // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 3 (24). С. 52–55.
20. *Тураев В.А.* Кризис советской идентичности как фактор распада СССР // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2016. Т. 15. С. 64–76.
21. *Уразбаев Е.Е.* Этнонациональная политика в Латвии и Эстонии в контексте институционализации национализма // Власть. 2017. № 6. С. 146–152.
22. *Шафи Ф.* Изменчивая динамика конфликтов в Грузии: сложное переплетение внешних и внутренних факторов // Центральная Азия и Кавказ. 2015. Т. 18. № 3-4. С. 144–155.
23. Закон Эстонской Республики «О гражданстве» от 19.01.1995 г. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/961169> (дата обращения 12.02.2020).

24. Закон Латвийской Республики «Об образовании» от 29.10.1998 г. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=50759> (дата обращения 12.02.2020).
25. Закон Латвийской Республики «О государственном языке» от 09.12.1999 г. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=14740> (дата обращения 12.02.2020).
26. *Greenfield L.* Nationalism: five roads to modernity. Cambridge: Harvard University Press, 1992. 581 p.
27. *Yamskov A.N.* Ethnic Conflict in the Transcaucasus: The Case of Nagorno-Karabakh // *Theory and Society*. 1991. Т. 20. № 5. P. 631–660.
28. *Zürcher Ch.* The post-Soviet wars: rebellion, ethnic conflict, and nationhood in the Caucasus. New York and London: New York University Press, 2007. 304 p.

R E F E R E N C E S

1. *Alekseev V.V., Alekseeva E.V.* The collapse of the USSR in the context of modernization and Imperial evolution Theories // *National history*. 2003. No 5. P. 3–20.
2. *Anderson B.* Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism Moscow: Canon-Press-C, 2001. 288 p.
3. *Barbashin M.Yu.* Soviet identity in the ethno-social space: institutional features // *Theory and practice of social development*. 2012. No 7. P. 43–49.
4. *Barsegov Yu.G.* The cult of annexations: International law at the turn of the Millennium. M.: Gothic, 1997. 64 p.
5. *Units J.* Approaches to the study of nationalism // *Nations and nationalism / translated from English*. L.E. Pereyaslavtseva, M.S. Panina, M.B. Gnedovsky, M.: Praxis, 2002. P. 201–236
6. *Brubaker R.* National minorities, nationalizing states and external national fatherlands in new Europe // *Ethnos and politics: a textbook*. Moscow: URAO publishing house, 2000. P. 173–177.
7. *Bukhovets O.G.* History description of post-Soviet Belarus: demythologization of «remythologization» // *National stories in the post-Soviet space – II / Edited by F. Bomsdorf, G. Bordyugov*. M.: Friedrich Naumann Foundation, AIRO–XXI, 2009. P. 15–50.

8. *Vinnik N.N.* The disease of ethnonationalism in the Baltic countries // *Discourse-PI: Scientific and practical almanac*. 2002. No 1 (2). P. 105–107.
9. *Gadzhiev K.S.* On the crisis of national identity // *The world and politics*. 2013. No 1. URL: <http://mir-politika.ru/3499-okrizisenacionalnoy-identichnosti.html> (accessed: 08.03.2020).
10. *Gellner E.* Nations and nationalism / Trans. from English T.V. Berdikova, M.K. Tyunkina; Ed. and afterword by I.I. Krupnik. M.: Progress, 1991. 794 p.
11. *Guzenkova T.S.* Ethnonational problems in history textbooks (on the example of Ukraine, Belarus and some republics of the Russian Federation) // *National stories in the Soviet and post-Soviet States / Edited by K. Eimermacher, G. Bordyugov*. Ed. 2-e, ISPR. Moscow: Friedrich Naumann Foundation, AIRO–XX, 2003. P. 114–141.
12. *Dibirov A.Z., Belousov E.V.* War of identities // *Bulletin of the Institute of sociology*. 2014. No 4 (11). P. 127–147.
13. *Kara-Murza S.G.* Dismantling of the people. M.: Algorithm, 2007. 704 p.
14. *Kuznetsova E.I.* Formation of a political nation in modern Ukraine // *Proceedings of the Herzen Russian state pedagogical University*. 2010. No 120. P. 314–320.
15. *Palchaev A.N.* Conflictogenic potential of the national-territorial structure of the North Caucasus // *Power*. 2012. No 1. P. 101–105.
16. *Sikevich Z.V.* Contradictions of Soviet nationalities policy: reflections of an expert // *Bulletin of St. Petersburg State University. Sociology*. 2017. Vol. 10. No 3. P. 315–328.
17. *Simindey V.V.* Historical policy of Latvia. Materials for study. M: Fund «Historical memory», 2014. 264 p.
18. *Tishkov V.A.* Political anthropology. Special course for students of Humanities faculties // *Integration of archaeological and ethnographic research: selection of scientific works / Ed. by A.G. Seleznev, S.S. Tikhonov, N.A. Tomilov*. 2001, Nalchik; Omsk: OmSPU publishing house. P. 48–56.
19. *Tomaichuk L.V.* Mythologization of history as a tool for constructing national identity in modern Ukraine and Belarus // *Society. Wednesday. Development*. 2012. No 3 (24). P. 52–55.

20. *Turaev V.A.* The crisis of Soviet identity as a factor in the collapse of the USSR // Bulletin of Irkutsk State University. A series of «Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology». 2016. Vol. 15. P. 64–76.
21. *Urazbaev E.E.* Ethnonational policy in Latvia and Estonia in the context of institutionalization of nationalism // *Vlast*. 2017. No 6. P. 146–152.
22. *Shafi F.* The changing dynamics of conflicts in Georgia: a complex interweaving of external and internal factors // *Central Asia and the Caucasus*. 2015. Vol. 18. No 3-4. P. 144–155.
23. Law of the Republic of Estonia «On citizenship» of 19.01.1995. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/961169> (date of request: 12.02.2020).
24. Law of the Republic of Latvia «On education» of 29.10.1998. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=50759> (date of request: 12.02.2020).
25. Law of the Republic of Latvia «On the state language» of 09.12.1999. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=14740> (date of request: 12.02.2020).
26. *Greenfield L.* Nationalism: five roads to modernity. Cambridge: Harvard University Press, 1992. 581 p.
27. *Yamskov A.N.* Ethnic Conflict in the Transcaucasus: The Case of Nagorno-Karabakh // *Theory and Society*. 1991. T. 20. N 5. P. 631–660.
28. *Zürcher Ch.* The post-Soviet wars: rebellion, ethnic conflict, and nationhood in the Caucasus. New York and London: New York University Press, 2007. 304 p.

10 октября 2020 г.
